

УДК 81'23
DOI 10.52452/19931778_2025_1_191

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ДОМА В РОМАНЕ Н. АБГАРЯН «С НЕБА УПАЛИ ТРИ ЯБЛОКА»

© 2025 г.

М.П. Болотская

Пензенский государственный университет, Пенза

margarita_bolotskaya@mail.ru

Поступила в редакцию 10.01.2024

Рассмотрен ключевой архетипический мотив «дома» в тексте художественного произведения Н. Абгарян «С неба упали три яблока», где философское и этнокультурологическое представление о доме связано с национальной спецификой «дома», а также с особым, личным пониманием автором «дома», в котором важна сила устоявшегося устройства жизни. Материалом для анализа послужили лексические репрезентации понятия «дом», используемые в романе Н. Абгарян.

Основным методом исследования является филологический анализ текста (семантико-стилистический и контекстуальный приемы).

Исследовано своеобразие индивидуально-авторского понимания «дома» – одного из наиболее знаковых элементов культуры маранцев, где усваиваются и сохраняются традиции, осуществляется связь поколений: «дом» не ограничивается бытовым пространственным образом, употребляется в значениях «жилище», «хозяйство», «семья», а также «деревня» (представляет собой не только группу родственников, но и всех жителей деревни), «малая родина»; лексемы «деревня», «Маран», «Маниш-кар», находящиеся в синонимических отношениях, с одной стороны, с лексемой «дом», а с другой – с лексемами «семья», «род», выражают представления о важнейших культурных ценностях; участвуют в формировании художественной картины мира. Дом приобретает образно-символическое значение – среди имплицитных средств репрезентации «дома» описание такой связи человека с домом, которая вызывает у него состояния *покоя, счастья, умиротворения, тепла, наполненности, чувства размеренности бытия, нераздельности с Отечеством, ощущение жизни не как данности, а как дара.*

Ключевые слова: «дом», мотив, лексические средства, Н. Абгарян, «С неба упали три яблока».

В настоящее время в филологии всё более популярным становится исследование текста художественного произведения «сквозь призму того или иного мотива» – «устойчивого формально-содержательного компонента художественного произведения», характеризующегося наличием ключевых слов, словесной закрепленностью, пространственно-временной повторяемостью и способностью к модификации [1, с. 3; 2; 3]. Изучение мотива, по мнению В.В. Прозорова, позволяет «объяснять художественный текст изнутри, оставаясь в его суверенных сюжетно-фабульных пределах и одновременно непредумышленно, как бы ненароком выглядывая из текста в мир вокруг него» [4, с. 12].

Трудно переоценить важность «дома» для жизни: именно «дом», как культурно-историческое явление, во много определяет бытие человека. Во всех толковых словарях русского языка, к которым мы обращались, слово «дом» представлено как многозначное; такие значения, как «здание, строение, предназначенное для жилья», «жилое помещение, квартира; жильё», «семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством», «династия, род», встречаются во всех библиографических источниках [5, с. 759;

6, с. 575; 7, с. 177], отражая сложность и многогранность структуры этого понятия.

Мотив дома, весьма значимый, является устойчивым архетипом [8–10]. Ему посвящены исследования Ю.М. Лотмана, А.К. Байбурина, Е.А. Потураевой [11–15]. Языковая репрезентация концепта «дом» рассматривалась с позиции лингвистической и культурологической значимости в трудах Ю.С. Степанова, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, О.В. Ланской, Л.О. Чернейко и др. [16–19]. Данный концепт исследуются «в историко-философской и культурфилософской интерпретациях» в работе В.В. Мороз, С.Н. Рымарович [20, с. 8], изучаются трансформации концепта «дом» как универсального маркера метаморфоз современного искусства [21, с. 165]. По мнению исследователей, образ дома, являясь ключевым, имеет огромное значение в системе ценностей людей различных национальностей во все времена [22–24].

Мотив дома выступает композиционным центром романа современной писательницы Н. Абгарян «С неба упали три яблока» (премия «Ясная Поляна» в 2016 г.), где повествуется о жизни небольшой деревушки Маран, затерянной

ной в горах. Переплетаясь и образуя неразрывные связи с мотивами человеческой жизни, смерти, любви, рода, он помогает раскрыть не только внутреннее состояние персонажей художественного произведения, но и авторское представление о жизненном пути.

«Дом» в тексте художественного произведения репрезентируется большим числом различных языковых единиц, среди которых наибольшей частотностью отличается лексема «дом» (91 словоупотребление), она используется, прежде всего, тогда, когда необходимо представить дом как «строение, предназначенное для жилья» [6, с. 575], например: *фундамент дома; в стенах дома; вернулась в дом*. Ключевое слово концепта «дом» функционирует в тексте романа Н. Абгарян «С неба упали три яблока» чаще в глагольных словосочетаниях. В большинстве случаев (43 словоупотребления) «дом» является частью словосочетаний «глагол + имя существительное» (*заспешила в дом, в доме остались, ушла в дом, пошла в дом, вошла в дом, проникли в дом, забивались в дома, пошел вокруг дома, домом промахнулся, разбрелись по домам, скрылся из дому, заходить в дом, разошлись по домам, в доме дышала, докатил до дома, в доме прибралась, выпроводить из дому, заторопилась в дом, ходил по домам, стекалась к дому, хлопотала по дому, перебраться в дом, обходил дома*)¹. Анализируемое слово вступает в отношения с глаголами, среди которых наиболее частотны глаголы движения, перемещения в пространстве (*заходить, явиться, разойтись, войти, разбрестись, пойти, уйти, ходить, брести, докатить, приходиться, обходить, переехать, вернуться*); глаголы, обозначающие конкретные физические действия (*забивать, прибраться, подмести, стоять, посидеть, отдать*); глаголы с семантикой «физическое и душевное состояние» (*ютиться, проснуться, жить, дышать, выхаживать, хлопотать, закрутиться*). Значительно меньше словосочетаний типа «имя существительное + имя существительное» (15): *в комнате дома, для постройки дома, повороты до дома, глубин дома, веранды дома, обстановка дома* (в приведенных примерах «дом» является в словосочетании зависимым).

В именительном падеже «дом» выступает со значением субъекта действия, выполняя функцию подлежащего (10): *Воске наотрез отказывалась переезжать, потому что дом находился в другом конце Марана*; *Скала раскололась надвое и рухнула в бездну, оставив за собой одинокую зазубрину, на которой, обнесенный со всех сторон крепким забором, возвышался двухэтажный дом с огромным фрукто-*

вым садом, огородом и несколькими крепкими хозяйственными постройками». В таких случаях дом может персонифицироваться: *«Просыпались дома дымом печных труб»*.

Не случайно значительное количество олицетворений связано именно с отчим домом. Дом чутко отзывается на всё, что происходит вокруг («...*жилище* словно *дышало и ходило, скрипело ставнями и боками*...») – реакция дома на землетрясение); он откликается на важнейшие события в жизни: на рождение нового человека (*Рождение ребенка вернуло мать к жизни, дом, наконец, проснулся, задышал привычными с детства ароматами*...); *«Теперь жилище встречало его не гробовым молчанием, а сытым стуком маслобойки, каменным шуршанием ручной мельницы и жаром тонира, где мать, напекши лаваша, томила в специях ягнятину»*) и смерть домочадцев (*По дому разлилась обреченная тишина*...»). Как живые представлены и части самого дома: *комната* (*Вот тогда, окинув взглядом притихшую комнату, Валинка и предложила к приезду Анатолии накрыть праздничный стол*), *дверца чердака* («... *та со скрипом распахнулась, дыхла в лицо унылым запахом лежалых вещей*...»), *трещина в стене дома* («...*всё так же дышала трещина в стене – то расходилась, то обратно сходилась, но не зарастала, словно расколотившееся горем надвое сердце, которое болит, но продолжает жить*...») – усиливает олицетворение сравнение трещины, образовавшейся после землетрясения, во время которого западный бок деревни «безвозвратно провалился в пропасть», с разбитым, но еще живым сердцем). Олицетворение позволяет представить дом как живое существо, наделенное важнейшими человеческими качествами: сочувствием, состраданием, сопереживанием, – а потому заслуживающее трепетного отношения. Так, прежде чем зайти в дом, снимают обувь, чтобы не испачкать чистый пол: *«Входя в дом, он разулся и теперь стоял перед ней в разных носках – один коричневый, а второй и вовсе разноцветный – в синюю, желтую и зеленую полоску»*.

Довольно часто внимание концентрируется на принадлежности дома: у любого дома должен быть хозяин, только в этом случае дом будет нужен и ухожен, а хозяин будет под защитой надежных стен, поэтому лексему «дом» в тексте романа Н. Абгарян «С неба упали три яблока» часто уточняют притяжательные местоимения: *в моем доме, в своем доме, их дом, его дома*; среди других определений – имена прилагательные разных лексико-грамматических разрядов: *двухэтажный дом, в собственном доме, каменный дом* (относительные); *от-*

чий дом, в отцовском доме (притяжательные); нелюдимых домов, покинутого дома, забытого дома (качественные); причастия: *одряхлевший дом, недостроенный дом*. Заметим, что адъективированные причастия *покинутый* и *забытый* рисуют образ дома, в котором царят неухоженность и запустение, так как в них нет хозяев. Разрушение дома – это всегда символ потери привычной жизни, умирания, ведь вместе с домом разрушается и жизнь домочадцев: «А вот этот дом совсем уже сломался, видишь, крыша дырявая и входная дверь нараспашку» (оценка выражена при помощи языковых единиц *сломался, дырявая*, которые показывают степень разрушения дома).

Домашнему очагу в Маране придается колоссальное значение. Основательность – его отличительная черта. Дом может быть и «толстобоким», и «темноватым», но он обязательно «обжитой», «уютный», «с большой деревянной верандой, высоким чердаком и ухоженным фруктовым садом». Маранцы стараются сделать всё, чтобы дома человека окутывало спокойствие, которое помогает сохранить достоинство и умиротворение. Так, занимаясь меблировкой дома, Воске выбирает столовую из мореного дуба, которая включает овальный обеденный стол, четыре тахты, три десятка стульев (*«сидячих мест должно быть много, потому что гостей всегда будет полон дом»*), несколько буфетов с искусной резьбой, куда должен поместиться сервиз на двадцать четыре персоны. Описание жилищ деревни убеждает читателя в том, что дом – самое удобное и надежное место на земле; в нем должно быть тепло, уютно и спокойно.

В тексте романа дом (субполе «дом – строение») представлен с помощью множества предметов, которые позволяют читателю «увидеть» жилища обитателей деревни, при описании упоминаются части дома (*двери* (61), *стены* (48), *пол* (44), *крыша* (23), *перила* (19), *порог* (16), *ступенька* (14), *потолок* (12), *подоконник* (10), *печь* (8), *балка* (8), *чердак* (7), *щеколда* (6), *створки окна* (3), *печная труба* (3), *карниз* (1), *оконные рамы* (1)); мебель (*стол* (53), *тахта* (20), *кровать* (16), *стулья* (12), *лавка* (11), *сундук* (9), *скамейка* (5), *комод* (5), *шкаф* (5), *ларь* (5), *шифоньер* (4), *тумбочка* (3), *шкафчик* (2), *кухонные полки* (2), *буфет* (1)); домашняя утварь (*палас* (12), *ковры* (10), *шторы* (6), *скатерть* (5), *семейный альбом* (4), *фотокарточка* (4), *салфетки* (4)).

Заметим, что «дом» употребляется в единственном числе гораздо чаще, чем во множественном (соотношение между ними 92/13): человеку для счастливой жизни достаточно одного дома; таким образом, реализуется важ-

нейшая мысль: наличие дома как построенного жилища – это, с одной стороны, важнейший фактор для нормальной жизни человека, а с другой – необходимое условие счастливой семейной жизни. Форма множественного числа встречается только тогда, когда речь идет о деревне; например, при описании огромной беды, которая потрясла жителей Марана: «...земля под ногами содрогнулась, заворочалась, загудела – протяжно, с выворачивающим душу завыванием, расколола плечо Маниш-кара и рухнула в пропасть, увлекая за собой дома с пристройками и дворами, захлебывающихся в крике людей, и живность...» (описанная гибель домов означает, прежде всего, гибель многих семей, ведь за каждым рухнувшим в пропасть строением – люди, которые ушли навсегда). Примечательно, что после многолетнего отсутствия Анатолия вернулась именно в отцовский дом, к тому времени несколько лет стоявший без жильцов. Так получилось, что из всей огромной семьи героини в тот момент, кроме нее, никого не осталось – на всей земле у нее только этот дом. В связи с этим реализуется еще понимание дома не только как основы жизни, но и как условия ее продолжения.

Уют «огороженности, одомашненности воспеваемого пространства жизни» требует ежедневного труда (*«Нет ничего разрушительнее безделья, – любил повторять отец. – Безделье и праздность лишают жизнь смысла»*). Хорошего хозяина отличает постоянная забота о доме. Достаточно вспомнить, как в самом начале романа автор описывает Севоянц Анатолию, которая, готовясь «отойти в мир иной», тщательно полила огород, насыпала курам корму с запасом, откинула крышки дождевых бочек, чтобы потоками воды, если случится гроза, не смыло фундамент. Такому трепетному отношению к хозяйству жителей Маниш-кара можно только позавидовать, хотя крестьянский труд постоянно определяется как «нелегкий», «тяжелый», «тяжкий»: одна только стирка занимает у хозяйки целый день (принести воды, дров, вскипятить воды, постирать, накрахмалить, подсинить белье, развесить сушиться на солнце, собрать, погладить). А кроме стирки, нужно еще управляться и с уборкой (*«у хорошей хозяйки не может быть паутины под потолком»*), и «с готовкой», и с огородом (в тексте многократно используются лексемы «стирка», «готовка», «уборка»).

Умение вести домашнее хозяйство является не просто важным – это непереносимое условие жизни, дело чести: без трудолюбия в будничных житейских делах в горах невозможно выжить: хозяйство представлено как важнейшая часть жизни деревни. В субполе «дом – хозяйство» вошли лексемы, называющие хозяйствен-

ные постройки, без которых нельзя представить дом настоящих хозяев: *погреб* (24), *забор* (21), *курятник* (12), *хлев* (9), *частокол* (7), *кормушка* (7), *конура* (4), *поленница* (6), *пасака* (2), *подпол* (2), *коровник* (1). Деревенский дом невозможно представить без сада и огорода, где выращивают, рыхлят, поливают, пропалывают *картошку* (20), *табак* (9); в садах выращивают *вишню* (7), *яблоки* (5), *шелковицу* (2), *грушу* (1), *садовую клубнику* (1). Маранцы, живущие в горах, эту привычную нелегкую работу выполняют с удовольствием. Предметом особой заботы для деревенских жителей являются многочисленные домашние животные: *птица* (47), *козы / козочки* (20), *коровы* (16), *овцы* (16), *петухи* (13), *бараны* (11), *свиньи* (9), *быки* (5), *индюшки* (3), *телята* (2), *куры* (3), *мозы* (2), *цесарки* (2), *гуси* (2), *лошади* (1), *нетели* (1), *волы* (1). Испокон веков в деревне держат собак, которые охраняют дом (частотны лексемы «пес» (20), «собака» (17)): «Луна висела в небе огромным мельничным жерновом, почему-то молчали дворовые собаки – громадные косолапые псы, отзывающиеся грозным рыком даже на самый ничтожный шум».

Удивительная домашность Марана во многом определяется и отношением жителей к еде: они знают в ней толк, любят и умеют готовить и угощать. Среди домашних забот *готовка* занимает особое место: без домашней еды (17 употреблений лексемы «еда») не может быть настоящего дома, а для жителей Марана искусство хорошо готовить *спас* (суп на кисломолочной основе), *сали* (сладкие лепешки), *арису* (пшеничная каша с курицей), *хохоб* (птица в луково-гранатном соусе), *кркени* (хлеб, испеченный в золе), *гату* (пирог с начинкой из масла и сахарной пудры) и мн. др. составляет важную часть их жизни. Что бы ни стряпали маранцы, всё хочется попробовать. И речь идет не только о луково-яичном пироге или большом коричном торте, чрезвычайно трудоемком в приготовлении, но и картошке с индюшатиной, мацуне, хлебе с сыром, крошке, персиковом компоте и т.д. («Персиковые дольки были самым любимым его лакомством, он ел их, словно ребенок, дорвавшийся до запретной сладости, – давясь от спешки, облизывая пальцы и закатывая глаза от удовольствия»). Несмотря на то что самые изысканные блюда подаются на стол лишь в дни особых праздников, и в остальное время к еде относятся с должным вниманием: «Следом Анатолия обзавелась козой, научилась заквашивать мацун и делать правильную брынзу – мягкую, нежную, молочно-влажную на срезе». Маранцы предпочитают натуральные продукты, среди них *хлеб* (42), *вино* (28), *зелень*

(23), *сыр* (17), *мед* (14), *брынза* (13), *тутовая самогонка* (5), *варенье* (5), *отварная курица* (4), *сливочное масло* (3), *топленое масло* (3), *окорока* (3), *сухофрукты* (3), *мацун* (3), *лаваш* (3), *кукурузные лепешки* (2), *сироп* (2), *сыровяленое мясо* (1), *домашняя ветчина* (1), *отварная говядина* (1), *редиска* (1), *соленья* (1), *ягнятина* (1), *конский щавель* (1) и др.

Для главной героини романа Анатолии родительский дом – основа ее жизни: в этом доме когда-то жили ее родители, росла она с сестрами; раньше под этой крышей жила бабушка ее отца, именно поэтому дом неотрывно связан с семьей, в связи с чем возникает представление о доме как о семье, людях, живущих вместе. Использование фразеологизма *полон дом* («...потому что гостей всегда будет полон дом...») позволяет создать емкий образ большой, гостеприимной, хлебосольной семьи (заметим, что лексема «семья» насчитывает 63 употребления). В связи с этим частотны в тексте романа термины родства, называющие членов семьи (субполе «дом – семья»): *мать* (199), *дочери* (68), *отец* (66), *братья* (62), *дети* (55), *жена* (43), *сестра* (42), *внук* (42), *муж* (40), *бабушка* (38), *сыновья* (34), *дед* (28), *свекор* (27), *дядя* (21), *дочка* (20), *невестка* (19), *свекровь* (17), *бабо* (16), *зять* (15), *правнук* (8), *тетя* (8), *прадед* (6), *двоюродный брат* (6), *приемная дочь* (2), *правнучка* (2), *тетка* (1). Важно отметить, что в тексте романа «дом» выступает не только как основа крепкой семьи, но и как член семьи, который не только помогает вырастить ребенка («мать должна была петь колыбельную, а отец – просто быть рядом, и это было правильно»), но и дает возможность даже в старости оставаться счастливо умиротворенным.

Дом помогает ощутить связь с родом: дома в Маране построены «своими руками», что усиливает значение принадлежности дома роду, а этой связи в Маране придают невероятное значение. Кроме того, у каждого рода в Маране свое прозвище, забавное, смешное, ироничное (*Шлапканц*, *Шалваранц*) или обидное (*Кудаманц*). Местные девушки, выходя замуж, даже не меняют фамилий, чтобы тем самым не отрекаться от своего рода, навсегда быть «его неотъемлемой частью». Таким образом, дом, построенный и обихожженный человеком, не только олицетворяет его материальный мир, но и указывает на важнейшие ценности и смысл человеческого существования.

Родным домом для каждого жителя, безусловно, является и сама деревня Маран (90 словоупотреблений лексемы «деревня», 97 словоупотреблений лексемы «Маран»), и гора Маниш-кар (32), где расположена деревня

(субполе «дом – малая родина»). Насколько важным представляется маранцам окружающий их мир, позволяют понять олицетворения, связанные не только с самим жилищем, но и часовней, где проводятся крещение и отпевание, деревней, горой Маниш-кар («Стены маранской часовни дрогнули от детского крика и закрихтели, поводя затекшими плечами...»); «Через неделю-другую... ополовиненная деревня понемногу ожила, завозилась в огородах и садах, вытащила хранимые как зеницу ока семена овощей...»; «...через пять дворов скалился острыми зазубринами обрушенный землетрясением край Маниш-кара», а также с природными явлениями, временем суток и пр. Будто живые лица, предстают солнце («Солнце вставало долго, нехотя, словно в кошки-мышки играло: один бок выкатит, потом другой, облаком прикроется, обратно выглянет»), воздух («Воздух звенел тонко и звонко, воздух лился и струился капелью. Воздух витал, реял, плескался, дышал и... пах»), ночь («... а над крохотным миром маленькой Воске раскинулась бездонная летняя ночь и рассказывала истории о силе человеческого духа, о преданности и благородстве...»), дождь («Дождь шел так, словно смывал все горести. Гладил по волосам, обнимал за плечи, щекотал затылок»). Персонифицируются даже такие отвлеченные понятия, как жизнь («Но жизнь, несомненно, брала свое, отвоевывая по миллиметру у голода деревню»), время («...не просто остановилось, а запуталось-забылось время»), погода («Погода с утра стояла душная и вязкая, не давала дышать...»), август («...лето было на исходе, уходящий август капризничал и истерил...»), голод («Голод стер отличия между богатыми и бедными, выстроил всех, словно в день Страшного суда, в одну унижительную шеренгу к краю могилы, измывался над ними с размахом, с неприкрытым удовольствием...») и др.

Хотя из-за своего местоположения деревня Маран была отрезана от всего мира («Единственной приезжающей в деревню машиной осталась карета скорой помощи, чтобы дозвониться до которой, приходилось отправлять с телеграфа молнию, потому что другой связи с внешним миром у Марана не было»), но для ее жителей она – единственное родное место на земле («Видно, в долине давно уже махнули рукой на горстку упрямых стариков, отказавшихся в свое время спускаться с макушки Маниш-кара в низины»), поэтому лексема «деревня», ее название – имя собственное Маран – также являются контекстными синонимами слову «дом». И куда бы жизнь ни забрасывала жителей деревни, они всегда возвращались к

себе домой. Так было и с главной героиней: «Вернулась она в Маран спустя долгих семь лет». Несмотря на трудные условия, жители считают эту землю единственно возможной для жизни, так как здесь уже несколько веков продолжается жизнь рода. Именно поэтому даже в годы лишений маранцы не захотели покидать свои дома на горе Маниш-кар. Заметим, что, когда возникают трудные времена для жителей Марана, лексема «деревня» используется в значении «семья»: «Деревня, потрясенная случившимся, замерла в тревожном ожидании»; «Деревня на долгие годы погрузилась в беспросветную темень, голод и холод».

Человек, его судьба, семья, Маран, Маниш-кар – всё «связано существующей связью», и прежде всего, и более всего связь эту определяет дом, собирающий возле своего теплого очага дорогих, милых сердцу, отзывчивых людей, у которых чувство любви к Отечеству не знает раздвоенности, которые ощущают жизнь не как данность, а как дар. Именно это ощущение позволяет им впитывать «каждой клеточкой бережный утренний свет», сравнивать мир, прекрасный и безмятежный, радующийся и поющий, с ребенком, умытым и накормленным после долгого сна. «Ты, главное, корень не обрывай...», – учит Настасью Ясаман, когда собирают конский щавель, и речь здесь, думается, не только о растении, которое, по словам Ясаман, иначе в следующем году не вырастет, а о тех главных корнях, связанных с домом, с родными, поддерживающими человека всю жизнь. Не эта ли неразрывная связь с предками питает и мудрость маранцев («В унынии нет Бога»; «Каждое испытание отводит одну беду»; «Чем проще слова, тем значительней их смысл» и мн. др.)?

Отношение жителей Марана друг к другу характеризуется как «участливо-сродное», предполагающее исключительно добрососедство, «и ничего более». Пройдя через страшные испытания землетрясением (часть Маниш-кара рухнула в пропасть, увлекая за собой людей, животных, дома), голодом (его смог пережить лишь один ребенок), войной, «развернувшейся огромным клыкастым вертуном», они сумели сохранить «доброе сердце и чуткий нрав». Сравнение их, живущих в горах, с высеченными из камня («Вы очень красивые... И... словно каменные. Высечены, да. Высечены из камня»), думается, необходимо, чтобы показать, насколько они «вросли» в это место, стали его неотъемлемой частью.

И деревня, и всё вокруг Марана пронизаны чувством размеренности бытия. День сменяет ночь, и трудно сказать, что прекраснее: солнце встает раньше петухов, роса выпадает такая, что

хоть горстями черпай, а ночью небо в щедрой россыпи звезд и сверчки поют словно в последний раз. Не случайно Василию было тоскливо и душно в долине «среди безликого однообразия, среди серых нелюдимых домов...» (состояния, которые становятся следствием одиночества) [25, с. 164].

«В художественном тексте тесно переплетены различные элементы, среди которых есть такие, которые имеют значение организующей доминанты» [26, с. 123]. В тексте романа Н. Абгарян такой доминантой становится мотив дома: философское и этнокультурологическое представление о доме связано с национальной спецификой *дома*, а также с особым, личным пониманием автором *дома*, в котором важна сила устоявшегося устройства жизни.

«Дом» в художественном тексте Н. Абгарян, являясь одним из наиболее знаковых элементов культуры маранцев, где усваиваются и сохраняются традиции, осуществляется связь поколений, не ограничивается бытовым пространственным образом, употребляется в значениях «жилище», «хозяйство», «семья», а также «деревня» (представляет собой не только группу родственников, но и всех жителей деревни), «малая родина»; лексемы «деревня», «Маран», «Маниш-кар», находящиеся в синонимических отношениях, с одной стороны, с лексемой «дом», а с другой – с лексемой «семья», помогают в понимании смысла человеческой жизни; выражают представления о важнейших культурных ценностях; участвуют в формировании художественной картины мира.

Дом как важнейший ориентир в жизни человека, воплощение ценности и смысла человеческого существования становится символом жизни, любви, труда, воплощением образа семьи, продолжения рода, родины, неразрывной связи внутреннего и внешнего мира. В тексте художественного произведения Н. Абгарян языковые единицы, репрезентирующие «дом», становятся ключевыми понятиями, отражающими суть человеческого существования.

Примечание

1. Здесь и далее цитаты из произведения Н. Абгарян приводятся по изданию: Абгарян Н. С неба упали три яблока. Люди, которые всегда со мной. Зулали. М.: Издательство «АСТ», 2017. 729 с.

Список литературы

1. Болкунова Н.С. Мотив Дома и Дороги в художественной прозе Н.В. Гоголя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Изд-во Сарат. педагогич. ин-та, 1999. 19 с.

2. Беше Н.Ю. Мотив дома в социально-историческом аспекте (роман «Будденброки» Томаса Манна) // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 1. С. 163–167.

3. Бугрова Л.В. Мотив дома в русской романтической прозе 20–30-х годов XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2004. 28 с.

4. Прозоров В.В. Мотивы в сюжете // Мотивы и сюжеты русской литературы: от Жуковского до Чехова: К 50-летию научно-педагогической деятельности Ф.З. Кануновой. Томск: Знамя Мира, 1997. 192 с.

5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935. 1562 стб.

6. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 1. М.: Русский язык, 1985. 963 с.

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов. М.: Русский язык, 1990. 917 с.

8. Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам. Т. 10. Тарту, 1978. С. 65–85 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 463).

9. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. 303 с.

10. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М.: Наука, 1965. 246 с.

11. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. О русской литературе: Статьи и исследования: (1958–1993). История русской прозы / Сост. Н.Г. Николаюк, О.Н. Нечипуренко. СПб.: Искусство-СПб., 1997. С. 621–658.

12. Лотман Ю.М. Художественный ансамбль как бытовое пространство // Лотман Ю.М. Об искусстве. Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления. СПб.: Искусство, 1998. С. 574–582.

13. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 251–292.

14. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.

15. Потураева Е.А. Образ дома в отражении русской языковой метафоры // Вестник Томского государственного университета. Общественно-научный периодический журнал. 2009. № 318. С. 44–47.

16. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: АСТ, 2010. 314 с.

17. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка: В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2000. 124 с.

18. Ланская О.В. Концепт «дом» в повести Л.Н. Толстого «Детство» // Семантика языковых единиц и категорий в диахронии и синхронии. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 52–59.

19. Чернейко Л.О. Способы представления пространства и времени в художественном тексте // Филологические науки. 1994. № 2. С. 58–70.

20. Мороз В.В., Рымарович С.Н. Концепт «дом»: историко-философские и культурфилософские основания // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 2–10.

21. Логинова М.В., Прохорова Н.И. Трансформации и интерпретации концепта «дом» в современном искусстве // Вестник культурологии. 2022. № 5. С. 165–177.

22. Валева Д.Р. Слово дом и лексико-семантическая группа с данной доминантой // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Материалы VII Международной научно-практической конференции (24–26 апреля 2008 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. Т. 1. С. 10–13.

23. Криничная Н.А. Дом: его облик и душа (К вопросу о тождестве символов в мифол. прозе и нар. изобразит. искусстве). Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. 29 с.

24. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988. 454 с.

25. Болотская М.П. Лингвистика одиночества (на материале произведений Д. Рубиной) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 160–166.

26. Болотская М.П., Зуенкова А.О. Вербализация концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле И.Л. Муравьевой (на материале текста романа «Барышня») // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (44). С. 122–131.

ARTISTIC SPACE OF THE HOME IN THE N. ABGARYAN NOVEL «THREE APPLES FELL FROM THE SKY»

M.P. Bolotskaya

The key archetypal motif of «home» is considered in the text of N. Abgaryan's literary work «Three apples fell from the sky», where the philosophical and ethno-cultural idea of home is associated with the national specifics of «home», as well as with the author's special, personal understanding of «home», in which the strength of the established structure of life is important. The material for analysis was the lexical representations of the concept «home» used in the novel by N. Abgaryan.

The main research method is philological analysis of the text (semantic-stylistic and contextual techniques).

The originality of the individual author's understanding of «house» is explored – one of the most iconic elements of the culture of the Marants, where traditions are learned and preserved, the connection between generations is carried out: «home» is not limited to the everyday spatial image, it is used in the meanings of «dwelling», «household», «family», as well as «country» (represents not only a group of relatives, but also all residents of the country), «small homeland»; the lexemes «country», «Maran», «Manish-kar», which are in synonymous relationships, on the one hand, with the lexeme «home», and on the other, with the lexemes «family», «clan», express ideas about the most important cultural values; participate in the formation of an artistic picture of the world. The home acquires a figurative and symbolic meaning – among the implicit means of representing «home» is a description of such a connection between a person and the home, which induce a state of *peace, happiness, tranquility, warmth, fullness, a sense of regularity of being, inseparability with the Fatherland*, a feeling of life not as a given, but as a gift.

Keywords: «home», motive, lexical means, N. Abgaryan, «Three apples fell from the sky».

References

1. Bolkunova N.S. The motif of the House and the Road in the artistic prose of N.V. Gogol: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Saratov: Sarat Publishing House Pedagogical Institute, 1999. 19 p.
2. Beze N.Y. The motif of the house in the socio-historical aspect (the novel «Buddenbrooks» by Thomas Mann) // Bulletin of Vyatka State University. 2011. № 1. P. 163–167.
3. Bugrova L.V. Motif of the house in Russian romantic prose of the 20–30s of the XIX century: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Tver: Tver State University, 2004. 28 p.
4. Prozorov V.V. Motives in the plot // Motives and plots of Russian literature: from Zhukovsky to Chekhov: On the 50th anniversary of F.Z. Kanunova's scientific and pedagogical activity. Tomsk: Banner of Peace, 1997. 192 p.
5. Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes / Ed. by D.N. Ushakov. Vol. 1. M.: Soviet Encyclopedia: OGIz, 1935. 1562 stb.
6. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / Ed. by A.P. Evgenieva. 3rd ed., stereotype. Vol. 1. M.: Russian Language, 1985. 963 p.
7. Ozhegov S.I. Russian Dictionary: 70,000 words. M.: Russian Language, 1990. 917 p.
8. Tsvivan T.V. The house in the folklore model of the world (based on the material of Balkan riddles) // Proceedings on knowledge systems. Vol. 10. Tartu, 1978. P. 65–85 (Academic notes. Tartu State University; issue 463).
9. Toporov V.N. Space and text // Text: semantics and structure. M.: Science, 1983. 303 p.
10. Ivanov V.V., Toporov V.N. Slavic language modeling semiotic systems (ancient period). M.: Science, 1965. 246 p.
11. Lotman Yu.M. Artistic space in Gogol's prose // Lotman Yu.M. About Russian literature: Articles and Research: (1958–1993). The history of Russian prose / Comp. N.G. Nikolayuk, O.N. Necipurenko. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb., 1997. P. 621–658.
12. Lotman Yu.M. Art ensemble as a household space // Lotman Yu.M. About art. The structure of a literary text. Semiotics of cinema and problems of ki-

noesthetics. Articles. Notes. Impressions. St. Petersburg: Iskusstvo, 1998. P. 574–582.

13. Lotman Yu.M. Artistic space in Gogol's prose // Lotman Yu.M. At the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol. M.: Enlightenment, 1988. P. 251–292.

14. Baiburin A.K. Dwelling in the rituals and representations of the Eastern Slavs. M.: Languages of Slavic culture, 2005. 224 p.

15. Poturaeva E.A. The image of a house in the reflection of a Russian linguistic metaphor // Bulletin of Tomsk State University. General scientific periodical journal. 2009. № 318. P. 44–47.

16. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian Culture: 3rd ed. M.: AST, 2010. 314 p.

17. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. The House of language existence: In search of new ways of development of linguistic and historical studies: the concept of a logoevisteme. Moscow: Pushkin State Institute of the Russian Language, 2000. 124 p.

18. Lanskaya O.V. The concept of «home» in Leo Tolstoy's novella «Childhood» // Semantics of linguistic units and categories in diachrony and synchrony. Kaliningrad: KSU Publishing House, 2004. P. 52–59.

19. Cherneyko L.O. Ways of representing space and time in a literary text // Philological Sciences. 1994. № 2. P. 58–70.

20. Moroz V.V., Rymarovich S.N. The concept of «house»: historical, philosophical and cultural philo-

sophical foundations // Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University. 2014. № 2 (30). P. 2–10.

21. Loginova M.V., Prokhorova N.I. Transformations and interpretations of the concept of «house» in modern art // Bulletin of Cultural Studies. 2022. № 5. P. 165–177.

22. Valeeva D.R. The word house and the lexico-semantic group with this dominant // Language, culture, mentality: problems of studying in a foreign audience: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference (April 24–26, 2008). St. Petersburg: Publishing House of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, 2008. Vol. 1. P. 10–13.

23. Krinichnaya N.A. The house: its appearance and soul (On the question of the identity of symbols in mythological prose and folk art). Petrozavodsk: KSC RAS, 1992. 29 p.

24. Fedorov F.P. The romantic artistic world: space and time. Riga: Zinatne, 1988. 454 p.

25. Bolotskaya M.P. Linguistics of loneliness (based on the works of D. Rubina) // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2023. № 3. P. 160–166.

26. Bolotskaya M.P., Zuenkova A.O. Verbalization of the concepts «life» and «death» in the idiosyncrasy of I.L. Muravyeva (based on the text of the novel «Young Lady») // News of higher educational institutions. Volga region. Humanities. 2017. № 4 (44). P. 122–131.